

посередине. Я его считаю приносящим удачу. Пристегиваю ремни. Влад прикрепляет электроды на виски и запястья, сжимает мою ладонь.

— Все будет в порядке, вдох-выдох.

— Ни пуха, координатор.

Будто издалека доносятся короткие команды:

— Задан вектор направления.

— Введен катализатор.

— Дан первичный посыл.

Поехали!

— Звонникова! К директору.

— Да не прогуливала я эти три урока. У меня справка от врача есть.

— Ничего не знаю. Там и объясняйся.

— Здравствуйте, Игорь Сергеевич. Я не...

— Успокойся, Звонникова, не мельтеши, присядь. Познакомься, это Владимир Константинович. Он хочет с тобой поговорить об очень важном деле.

— Здравствуйте, Кира. Вот вы какая. На снимках в документах вы совсем по-другому выглядите. Старше, наверное. Я прилетел специально, чтобы с вами познакомиться. Буду краток. Я из ЦОБП. Дело в том, что вы прошли тест Грюннера-Носова.

— Центр Обеспечения... Тест на Авку? Не может быть! В нашем городе никто никогда... Одна девушка на сотни тысяч...

— И тем не менее это так. Я уполномочен предложить вам контракт с Центром.

— Вы меня прямо сейчас заберете?

— Экая вы торопыга, вдох-выдох. Сразу соглашаетесь? Даже подумать не хотите? Но прямо сейчас не получится. Контракт вы подпишете по достижении восемнадцатилетия. А прежде серьезно взвесите все за и против. Вот, ознакомьтесь после нашей беседы в кругу семьи. Когда я могу зайти к вам домой, Кира, обсудить все детали с вами и вашими родителями? Объяснить ситуацию. Ответить на вопросы.

— Я не знаю. Я у мамы спрошу.

— Очень хорошо. Вот моя визитная карточка. Позвоните, когда будете готовы. И, Кира, не делитесь пока этой новостью ни с кем из ваших знакомых.

— Почему?

— Долго объяснять. Просто поверьте мне на слово. Иначе у нас с вами ничего не получится.

— Иди, Звонникова, домой. В класс сегодня не возвращайся. И серьезно подумай о предложении Владимира Константиновича.

Разожми сведенные судорогой пальцы, девочка Саша. Для тебя все уже закончилось. Ты молодец. Дождалась помощи, не сдалась, не отпустила. Уважаю. Уступи место мне.

Нас, Авок, не так уж и много. Наши способности встречаются чрезвычайно редко. Хотя тест Грюннера проводят на миллионах девочек-старшекласниц во всех развитых странах. Плюс часть из отобранных отказывается. Кто сразу, кто потом.

Делаю глубокий вдох. Как перед прыжком в ледяную воду. Искрящийся звездоворот засасывает меня с головой. Ощущение такое, как в детстве при игре в жмурки. Когда тебе надевают темную повязку на глаза, раскручивают и отпускают. Найти, поймать, узнать. А повязка ломает ресницы, давит на глаза. Подташнивает от тяжелого запаха мокрой шерсти. И полностью потеряно ощущение твердой земли под ногами. Ни верха, ни низа. Ни права, ни лева. Ни дна, ни покрывки.

Сотни тысяч километров от Земли. Темнота. Вселенная без конца и края. Никто толком не знает, как мое сознание может почти мгновенно преодолеть такое расстояние, отыскать невидимый сгусток боли и намертво вцепиться в эту боль зубами. И рвать, терзать, раздирать ее на части в попытке помочь. И почему наши способности проявляются только на расстоянии больше пятисот миллионов километров.

Беру *Ношу* на себя.

Сломанные ребра, рваные легкие, капли алого дождя вокруг головы.

Я здесь. Я с тобой. Стану твоим дыханием, биением сердца, потоком крови. Разделю твою муку, страх и отчаяние. Не отпущу туда, где ничего нет. В черный колодец без дна.

Я знаю. Я умею. Только держись за меня.

Ты моя *Ноша*. Драгоценная, хрупкая, почти неуловимая. Я стану яростно, остервенело бороться за твое спасение. Любой ценой. Пока не придет помощь.

— Здравствуйте, Кира.

— Здравствуйте, Владимир Константинович.

— Что вы так рано? Волнуетесь?

— Очень. Я почти всю ночь не спала. Это ничего?

— Это даже хорошо. Тем, кто чересчур самонадеян, тут делать нечего.

— А вдруг я не справлюсь? Вдруг я не настоящая Авка?

— Кира, давайте договоримся. Вы — сотрудник Центра Обеспечения Безопасности Полетов. В крайнем случае, *Несущая Ношу*, как о вас журналисты пишут. А Авосек и Авок здесь нет. Тем более, что значение слова «авоська» вы все равно не знаете.

— Извините, я больше не буду.

— Ничего. И вы обязательно справитесь. Я абсолютно уверен, вдох-выдох. Тут даже и думать нечего. Помните основные правила с последнего инструктажа?

— Не поддаваться панике. Не отклоняться от вектора. Не брать на себя больше одной ноши. Соблюдать личную безопасность... Не опаздывать.

— Последнее не правило. Последнее само собой разумеется. Ну что, начнем? Располагайтесь в ложементе. Лучше в крайнем. Мне будет удобнее все показывать. Плюс это сиденье почему-то считается приносящим удачу. Видите, тут чернилами нарисована улыбающаяся рожица. Говорят, ее оставила здесь самая удачливая сотрудница Центра. Наши девочки облизывают указательный палец и прикладывают к рисунку перед началом работы — на счастье. Да, вы тоже можете. А теперь смотрите и запоминайте. Вот так пристегиваются ремни. Теперь я прикреплю датчики. Через несколько минут, ровно в четырнадцать ноль-ноль, наш сотрудник на Ио введет себе препарат, сильно снижающий болевой порог. И нанесет себе небольшой порез на руке. Мы дадим вам примерный вектор и расстояние. Ваша задача — найти объект и... постараться ему помочь. Просто помочь, и все. Поняли? И не волнуйтесь так. Вдох-выдох. Поехали.

— Что думаете о новенькой, Звонниковой, Влад?

— Не знаю пока, что сказать. Объект она нашла, а вот Ношу взять не смогла. Обычно все-таки получается с первого раза.

— Я помню, у нее показатели были на грани. Вы еще сомневались, брать ли ее.

— Давайте не будем торопиться. Попробуем еще несколько раз. У нас не так много сотрудниц, чтоб так вот сразу ими разбрасываться. Может, что-нибудь из девочки и выйдет.

Легкое похлопывание по щекам: Кира! Кира, очнись!

Прихожу в себя. Гудит голова. Во рту стоит неприятный металлический привкус. Хочется пить. Лаборантка приносит мне салфетку, смоченную перекисью водорода. После таких сеансов у меня всегда идет кровь носом.

Оглядываюсь по сторонам. Рядом со мной Зойка Егорова жадно глотает чай из фаянсовой кружки. Глаза красные и воспаленные, как при гриппе. Физиономия вымазана засохшей грязью Мертвого моря. На черном лице хорошо видны разводы от струек пота. Часть грязи налипла на белый махровый халат. Очень неприятно, когда тревога застает тебя в ванной.

С другой стороны Маша Венгерова. Эта в полной боевой готовности. В комбе и удобных сниксах. Хотя никто еще не сказал, что это помогает работать. Сегодня Машина очередь быть на подхвате, вот она и оделась в форму с утра. На всякий случай. Маша очень организованная и ответственная. До отрыжки. Моей, во всяком случае.

Всхлипывающую стажерку Сашу медсестра отпаивает лекарствами на диванчике. Подойти, что ли, потом к Саше и сказать, что я начинала много хуже.

Катя Стрельцова жадно лопает сдобную булку с марципанами. Сегодня на ее долю выпали такие переживания... А от переживаний у Кати всегда разыгрывается аппетит. Только вот чавкать не надо бы.

Влад протягивает мне стакан с холодным клюквенным соком.

— Что это было, Влад?

— Ремонтный катер на подходе к Европе попал под метеоритный поток. Вот голограмма. Только что получили. Смотрите.

Разглядываю выпуклое графическое изображение. Два отсека. Один всмятку. Если кто там и остался, то только по частям. Второй отсек сильно помят, но герметичность не нарушена. Там было три человека. И мне, как первой прибывшей на место, достался самый тяжелый.

— Всех вытащили?

— Придет сообщение через сорок минут с амбулетки, узнаем. На европейских амбулетках работают дельные реанимационные команды.

— Как я сегодня такая на свидание пойду! — сокрушается Зойка, рассматривая себя в зеркало.

— Зоенька, ты прекрасно выглядишь, — тут же откликается Влад. — Вот сейчас смоешь с лица это черненькое — и хоть на бал.

Катя громко фыркает в ладошку.

Передаю лаборантке заляпанные кровью салфетки и поднимаюсь с кресла. Маша на дежурстве, так пусть и принимает вахту. Девочка сегодня, а также завтра и послезавтра ни на что способна не будет.

Направляюсь к двери, но не выдерживаю. Останавливаюсь у раковины, и меня выворачивает наизнанку. На белом фаянсе расцветают красно-бурые кляксы. День начинается просто прекрасно.

— Можно? Мне было назначено на четыре.

— Заходите, Кира. Садитесь. Хотите чай, кофе? У меня есть очень вкусные конфеты. Я слышала, что вы любите шоколад.

— Я бы хотела как можно скорее покончить со всеми формальностями. Меня к дежурствам не допустят, если мы не поговорим. Если вам нужно что-то спросить — спрашивайте. И я пойду.

— Хорошо. Вы сегодня первый раз потеряли Ношу...

— Говорите, как есть. Я угробила человека. У Амальтеи.

Скорее всего, молодого и здорового. Которого кто-то ждал на Земле. И мне даже отказываются показать его фотографию.

— Это рано или поздно случается с каждой девушкой вашей профессии. Мы тут не боги. Со станции сообщили, у него были несовместимые с жизнью травмы. Вы держались до последнего. Я знаю.

— Ничего вы не знаете. Если бы вы были хирургом, творящим своих пациентов на операции, тогда вы бы меня поняли. А вы — психотерапевт.

— И все же, Кира, мне кажется, вы должны обязательно с кем-нибудь поделиться.

— Там, у Юпитера, мы ни с кем не делимся.

— Не хотите со мной, пойдите к Владу. К кому-нибудь из более опытных девушек. У вас есть здесь друзья, Кира?

— Я со всеми в хороших отношениях. Мне не станет легче от того, что я начну кому-нибудь плакаться в жилетку. Вы не волнуйтесь, я ничего с собой не сделаю. И на дежурство выйду как обычно. Со мной все в порядке. Правда.

— Я пытаюсь вам помочь, Кира.

— Да знаю я. Знаю. Можно, я пойду? Голова очень болит.

— Если вы все же передумаете, то знаете, как меня найти. В любое время.

— Алло, Влад? Я только что отпустила Киру. Хочешь знать мое мнение? Как психолога и как бывшей Авки? Отпусти ее, Влад. Она долго не выдержит. Сгорит. А мы все тут не птица Феникс.

— Я знаю, Аля. Все я знаю, вдох-выдох. Способностей на копейку, но вцепляется в Ношу, как бульдог. Всегда — как в последний раз. Не уйдет она. Не уйдет, и все.

Поднимаю температуру в комнате. Что-то мне очень холодно и никак не получается согреться.

Надо бы залезть в горячую ванну, но лень шевелиться. Каждое движение болезненно отдается в висках. Но через пару часов должно стать легче. Проверено и протоколировано.

Включаю визор. По первой программе показывают новости. Россия снова снизила квоту на прием беженцев из Европейских Эмиратов. Трансконтинентальная авиакомпания «Сан Райз» закупила партию стратолетов новой конструкции, пересекающих Атлантику за два часа. Интересно, сколько это удовольствие будет стоить?

Группа «Дзен Гитары» даст три концерта в Лунной колонии. Билеты раскуплены на три месяца вперед. Слетать, что ли? Могу себе позволить. А билеты Влад уж как-нибудь достанет. К сотрудникам нашего Центра люди искусства относятся уважительно.

Школьница из Петрозаводска забаррикадировалась в кабинете химии, взяв в заложники свой класс. И угрожает облить всех серной кислотой, если ее не выберут королевой бала на выпускном вечере. В мое время девочки вели себя много скромнее.

Про Авок в новостях ничего не рассказывают. Администрация предпочитает, чтобы мы оставались в тени. И никому не сообщали, где работаем. Это с тех пор, как мать одного не спасенного нами юноши ворвалась в Чилийский Центр и устроила стрельбу в базис-зале. Погибли все, кто там в это время находился.

Все мои школьные подруги уверены, что я подалась на Камчатку за длинным рублем. И не объяснишь им, что именно там обнаружена временно-пространственная аномалия, без которой мы, Авки, ничего не можем. Их таких пока найдено только три. Кое-кто из ученых считает, что

аномалии образовались в результате посадки инопланетных кораблей. Но доказать этого еще никому не удалось.

На ком приходит сообщение от Зойки. Авкам запрещено пользоваться девайсами, закрепленными на голове. Координаторы тоже носят только комы — из солидарности. Охико уезжает на две недели и просит поухаживать за ее кошкой. А у Зойки на шерсть аллергия. Нет уж, увольте. Эта рыжая дрянь царапается. Причем довольно сильно.

Охико смешная. Из Японии до Гавайского Центра лететь намного быстрее. Но Охико боится стратолетов, а между Киото и Анадырем пока еще курсируют реактивные самолеты.

Мама спрашивает, к какому числу расконсервировать квартиру. А на кой черт ее расконсервировать? У мамы и остановлюсь, пока буду в городе.

Моя мама очень мудрый человек. Несмотря на то что всю жизнь проработала простым диспетчером во «Флаер-Люкс». Помню, как настойчиво она отговаривала меня от контракта с Центром. Мы тогда крепко поругались. Я готова была из дома бежать, доказывая свою правоту. Эх, жила бы я сейчас спокойно в Воронеже, закончила бы педагогический колледж. Была бы уже, может быть, заслуженной учительницей. И замужем, и с детьми, и толстая. И не просыпалась бы от ночных кошмаров.

В отпуск сначала поеду домой, а потом отправлюсь туда, где жара, кокосы и обезьяны. И никаких тебе незапланированных пробежек босиком. От которых потом насморк, между прочим. Сделаю педикюр. Покроюсь золотистым загаром. Заведу курортный роман. Буду есть ананасы прямо с грядки, а не ту солому, которую продают у нас.

Кстати, об ананасах. Тошнота совсем прошла. Теперь ощущается пустота в желудке. Пойти, что ли, в столовую, похлебать горячего супа? Что у нас сегодня в меню?

Наш Центр расширяется. Заложены два рабочих здания, исследовательская лаборатория. Даже огромный бассейн в проекте. Понаехало до чертовой кучи архитекторов, строителей, монтажников. Специалистов по вечной мерзлоте.

И все они обедают в нашей столовой. Что мне совсем не нравится. Гул, шум, смех. Столика свободного не найдешь.

Сегодня вроде бы повезло. Нашла место у окна. Но только успела поднести ко рту ложку, как меня обнаружила Зойка Егорова со свитой то ли строителей, то ли монтажников, то ли хрен знает кого. И все они, естественно, тут же расположились за моим столом.

Зойке двадцать пять, волосы перехвачены розовой ленточкой, и ей очень хочется выйти замуж.

Она заразительно хохочет, демонстрируя мелкие детские зубки. Разноцветная косичка пляшет на затылке. Зойка еще не сделала свой сегодняшний выбор и поэтому приглашает всех троих кавалеров на экскурсию в наш лилипутный лес собирать шикшу.

Зойка всегда опаздывает на дежурства, все время отпрашивается и, если не вытащила кого-нибудь, ходит с заплаканными глазами и по крайней мере неделю не может работать. Любого другого на ее месте давно бы проводили с почетом на заслуженный отдых. Но Зойку держат. Потому что, несмотря ни на что, у нее самый большой процент спасенных. Завидно ли мне? Не знаю.

— Эй, на палубе! — Зойка барабанит пальчиками со свежим маникюром по моей руке. — Вернись на Землю.

— Как вы думаете, — вежливо обращается ко мне один из мужиков из Зойкиной свиты, — существует ли инопланетный разум?

— Ага, — соглашаюсь я, — зеленый, мутный и в крапинку. Каждый встречный и поперечный считает своим долгом

задать нам этот вопрос. Хотя мы не Центр космических исследований. Мы по другой линии.

— Ну тебя, — машет руками Зойка. — Я вот просто уверена, что его отыщут еще при нашей жизни. Давай поспорим. Ну хоть на шоколадку.

Стучу пальцем по лбу. Зойка не обижается.

Отодвигаю тарелку. Что-то нет у меня сегодня аппетита. На выходе меня догоняет Зойка:

— Можно мне дать Лешику номер твоего кома?

— Какому такому Лешику?

— Ну, тому, что сидел справа от меня. В смешном зеленом свитере.

— Думаешь, я помню? Пусть завтра в обед снова придит. Я за котлетами на него посмотрю. Если не стошнит — пусть звонит.

Зойка чмокает меня в щеку и торопится обратно.

— Влад, я же сказала. У меня неприятный день.

— Я координатор. Мне можно. Знаешь, на кого ты сейчас похожа?

— На Василису Прекрасную. Уйди. Дай спокойно умереть.

— Сейчас уйду. Только скажи мне: что, правила не для всех писаны?

— Ты о чем, Влад?

— Всё ты понимаешь. Кто сегодня взял на себя две Ноши? Не понимаю, как у тебя это получилось...

— Я упрямая стерва. И вообще, победителей не судят.

— Ты чуть не сдохла в ложементе. Ладно, хочешь самоубиться — твое дело. Но могла потерять сразу двоих. Тебе такое в голову не приходило?

— Я не два дня в Центре работаю. Свои возможности худо-бедно могу просчитать.

— Ты понимаешь, что я теперь должен писать рапорт? Отстранять тебя от работы до выяснения обстоятельств.

— Но ты ведь этого не сделаешь, правда?

— Если ты пообещаешь...

— Ничего я тебе обещать не буду. Лучше сразу уйди. Или переведусь в другой Центр. Вон, на Гавайях, на днях акула Авку съела.

— Так тебя там и ждут с распростертыми объятиями. Твой вздорный характер могу терпеть только я.

— Лучше скажи, что боишься. У тебя каждая девчонка на счету. В нашу глухомань особо никто не хочет.

— Ну и на счету. Только не в этом дело.

— Я ведь все равно через пару лет уйду. Сам знаешь, наши способности с возрастом того, тью-тью. А их у меня и с самого начала было кот наплакал. Держусь на одном чертовом упрямстве. А это вредно для здоровья. Не пытайся возражать, я знаю. Устроюсь секретаршей в какой-нибудь фирме по производству чайников. Буду жить тихо, мирно. Без покойников.

— Ладно. Что это тебя в меланхолию потянуло? Какие твои годы. Вдох-выдох. Смотри лучше, что я тебе принес. Ананас, настоящий, только вчера с грядки. Зрелый-перезрелый. Ребята из тропиков привезли. Где у тебя ножик, горе мое?

Туфли-лодочки на шпильке нещадно жмут. Борюсь со страхом наступить на подол вечернего платья и сломать шею.

Влад, большой поклонник классического балета, пригласил меня на «Дон Кихота» в исполнении знаменитой шанхайской труппы. И я не нашла достаточно веской причины, чтобы ему отказать.

И потом, зачем обижать хорошего человека.

Блестящая ткань оказалась на редкость кусачей. Пока Влад воодушевленно рассуждает о достоинствах солистов, яростно чешу спину о прохладную спинку сиденья.

У Влада ярко-красный спортивный мобиль. Хотя зачем такая дорогая игрушка человеку, никогда в жизни не превысившему скорость, непонятно. В молодости, наверное, не мог себе позволить. И вот осуществил мечту.

В кабине вкусно пахнет кожей и еще чем-то неуловимым, чем пахнут все новые машины.

Скидываю туфли и вытягиваю ноги в тонких колготках. Благодать какая.

Едем по побережью вдоль Золотого хребта. Здесь когда-то, в богом забытые времена, добывали золото. Я люблю горы. Во всяком случае больше, чем наше вечно серо-стальное море. Наше! Сколько же лет я прожила на Чукотке? Больше десяти. Самой не верится.

Тех Авок, кто из России, очень сильно уговаривают поработать на Чукотке. Это ведь ближе к дому, не правда ли? И надбавка за вечную мерзлоту. Анадырь теперь большой культурный город. Вам не придется скучать.

Влад отключил автопилот и ведет мобиль сам. Говорит, что не слишком доверяет технике. Машина двухдверная, с низкой посадкой. Мне такие не нравятся. Я люблю сидеть высоко и смотреть далеко.

В лобовое стекло летит мелкая щебенка. Инстинктивно прикрываю руками лицо. Камнепад. Вот черт! Большой валун валится на дорогу прямо перед мобилем. Влад не успевает затормозить. Изю всех сил упираюсь ногами в пол. Удар.

Подушка безопасности выстреливает мне в лицо. Машина слетает с дороги и, переворачиваясь, катится вниз.

С трудом прихожу в себя. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Что у меня болит? Нос. Ну это понятно. Воздушный мешок совсем не мягкая штука. Правая рука. Шевелю пальцами. Пробую согнуть руку в локте. Вроде обошлось без перелома. Пытаюсь открыть дверь. Заклинило. Гадство какое. Влад!

— Влад, ты как?

В ответ — стон сквозь сжатые зубы. Скорчившись, Влад держится за живот. Не открылась подушка безопасности, и при ударе он налетел на руль. Бледное, в синеву, лицо. Капли пота на лбу. Холодная, влажная рука. Похоже на внутреннее кровотечение? Откуда мне знать.

— Влад, держись! Скоро приедет дорожный патруль. У них всегда при себе реанимационный блок. Я знаю, сама видела.

— Я н-нормально.

Надо срочно вызывать службу спасения. Продолжая держать Влада за руку, ищю сумочку. Коммуникатор вывалился при ударе. По экрану змеятся трещины. Проклятый ком безнадежно мертв. Лезу в карман Владовых брюк. Его ком цел. Только его забыли зарядить. Черт! Черт! Черт!

За стеклом быстро темнеет. Теперь нас вряд ли заметят с дороги. Завал могут приехать расчищать только утром.

Влад вздрагивает и съезжает вниз по спинке сиденья. Широкая ладонь безвольно повисает у пола. Никогда не видела, чтобы человек мог так побледнеть.

Что мне делать?

Сколько раз снились треклятые сны о том, что у меня не выходит спасти кого-нибудь там, у Амальтеи, Ио, Гималии. Но никогда здесь, на Земле.

Наши способности не проявляются даже у Марса. Только много дальше. Юпитер — это наш нижний предел. Здесь, на расстоянии вытянутой руки, я бессильна. Сотни раз проверено. Сотни раз доказано.

ФАНТАСТИКА

Плевать.

Накрываю ладонью ледяные пальцы. Закрываю глаза. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Я здесь. Я с тобой. Мне не нужен вектор, не нужен первичный посыл. Вцепляюсь в руку Влада, до боли зажмуриваю глаза. Представляю себя в сотне парсеков от Земли. Пытаюсь взять на себя Ношу, как брала десятки раз из базис-зала в Центре. Если не получается с первого раза, надо пробовать еще и еще...

И я, подобно Сизифу, озверев от безуспешных усилий, волоку на недоступную гору неподъемный валун. И каждый раз, оказавшись на вершине, камень срывается вниз, проезжая всем своим весом по моему хребту.

Содраны ногти, смяты позвонки, забиты черной пылью легкие. Я смертельно устала падать мордой на острые уступы. Больше не могу. Не могу. Не...

Мягкий толчок в плечо. Здесь никого не должно быть. Я одна во всей Вселенной. Не одна? Еле слышное дыхание у щеки. Кожей ощущаю чужое присутствие.

— Не бойся. Я помогу. Я умею.

Кто-то невидимый, безмерно далекий, через парсеки и тысячелетия протягивает руку. И вместе со мной принимает Ношу. Готовый вот-вот сорваться валун как влитой встает на вершине. Незнакомая ладонь уверенно лежит на моем запястье.

И мы стоим, тесно прижавшись локтями, в безвременье и бесконечности. Преградой к пределу, из-за которого нет возврата.

Над головой ревут лопасти вертолета-амбулетки. У Влада чуть заметно трепещут ресницы. Сколько же прошло минут? Часов? Над океаном встает рассвет.

— Влад, ты слышишь, Влад! Теперь все должно быть хорошо!

Возвращаюсь из больницы следующим вечером. Сразу изambuлетки Влада увезли в операционную. Склеивать разрыв печени. Теперь он спит в палате. И врач говорит, что все непонятно как обошлось. И Влад будет жить.

У центрального входа меня ждет водитель Шурик из Центра в желтом мини-басе.

Уважительно смотрит на мою руку на перевязи и высказывает открытую дверь.

— Шурик, — прошу я его, — дай на минутку твой ком.

Не знаю, что будет дальше, но сейчас я абсолютно и безмерно счастлива. Счастье бурлит во мне, как теплая газировка в бутылке. Им просто необходимо поделиться.

— Шурик, какой ты милый!

— Чего?

Четко проговариваю номер.

— Але, Зойка. Ты какую хочешь шоколадку? С орехами или без?

